

Б. В. ТЕХОВ

КОБАН-ТЛИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА И ГАЛЬШТАТТ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ

В конце II и начале I тысячелетия до н.э. территория Центрального Кавказа была заселена племенами, создавшими яркую археологическую культуру, получившую название кобанской. Памятники этой культуры были открыты впервые в с. Верхний Кобан Северной Осетии (отсюда и название всей археологической культуры) Северной Осетии. Они в 70-х годах XIX века привлекли внимание не только отечественных, но и иностранных археологов, и даже туристов-путешественников. Интерес к этой культуре не угасает и по настоящее время. Существовала она с середины II тысячелетия до середины I тысячелетия до н.э., хотя отдельные ее элементы сложились в более раннее время.

Памятники кобанско-тлийской культуры до недавних пор были известны в виде могильных комплексов (каменные ящики, грунтовые захоронения, курганы) и охватывали значительную территорию. Сегодня, благодаря открытиям археологов-кавказоведов, они представлены и поселениями, занимающими обширный регион на северном и южном склонах Большого Кавказа.

Е. И. Крупнов, посвятивший всю свою научную деятельность исследованию памятников кобанской культуры (кобанско-тлийской культуры – Б. В. Техов), разделил их на три группы. Первая – западная или кабардино-пятигорская. Ее характерные особенности – могильные сооружения в виде очень массивных гробниц или каменных ящиков, в плане приближающихся к квадрату, керамические формы в виде крупных сосудов и мисок хорошего обжига, богато орнаментированных геометрическими нарезными узорами. Вторая группа – центральная или североосетинская. Сюда включены также Тлийский и Стырфазский могильники, цоисский, казбегский и цхинвальский клады. Для этой группы характерны каменные ящики прямоугольной формы кобанского типа и четырехугольные ямы, обложенные булыжником, малые формы хорошей керамической посуды, в основном по-

вторяющие старые формы раннего этапа позднебронзовой культуры. Третья группа – восточная или грозненская. Она характеризуется грунтовыми могилами, заваленными булыжником, подкурганными захоронениями и керамикой более слабого теста с явным преобладанием скифских степных форм с наlepным, шиповым орнаментом грушевидных корчаг, горшков и невысоких мисок, характерных для культуры скифского типа [Крупнов, 1960, с. 178-179]. Почти по такому же принципу составлены «Своды» В. И. Козенковой [Козенкова, 1977; 1989].

Таким образом, Е. И. Крупнов, а вслед за ним В. И. Козенкова выделяют в пределах кобанско-тлийской культуры три локальных варианта: центральный, западный, восточный. Кроме того, ими рассмотрены такие важные вопросы, как происхождение самой культуры, ее хронология, ареал, хозяйственный тип и общественное устройство, идеология и международные связи. Если при локализации вышеуказанных групп археологической культуры Е. И. Крупновым учитывались в основном погребальные памятники, то у В. И. Козенковой наряду с погребальными сравнительно шире охвачены бытовые памятники [Крупнов, 1960, с. 179; Козенкова, 1989], хотя отмечу, что число поселений, исследованных по всей ее территории, пока не так уж велико.

Вопросы хронологии рассматриваемой нами культуры являются основными в археологии Кавказа. Ими, так же как и периодизацией, интересовались почти все исследователи, которые немного затрагивали памятники переходного периода от бронзы к железу Центрального Кавказа, не говоря уже о тех, которые посвятили этим вопросам специальные работы [Иессен, 1935, с. 111; Крупнов, 1957; Крупнов, 1969; Техов, 1972; Козенкова, 1989].

В период расцвета кобанско-тлийской культуры центральнокавказские племена переходили к новым, более интенсивным формам хозяйственной деятельности, а это вело к переоформлению общественных отношений, к переходу на более высокую стадию социального развития [Техов, 1977, с. 212]. Племена – создатели кобанско-тлийской культуры производили бронзовые и железные предметы не только для удовлетворения внутриобщинных потребностей, но и для обмена. Некоторые основные элементы их культуры распространялись далеко за пределы их коренной территории. Это происходило в результате контактов с племенами как близких, так и более отдаленных областей и регионов.

Очень тесными были связи между создателями кобанско-тлийской культуры и степными племенами катакомбной культуры. Об этом свидетельствуют находки кавказских бронзовых изделий в погребениях катакомбной культуры Северного Причерноморья [Попова, 1955, с.9 8]. Среди бронзовых предметов степной катакомбной культуры много кавказских

[Крупнов, 1966, с. 36]. Оказался кавказский металл и у племен срубной культуры причерноморских степей [Кривцова-Гракова, 1955, с. 49 и сл.]. В литературе кавказские бронзовые изделия отмечались в Харьковской [ОАК, 1890, с. 123, с. 88-90; Иессен, 1947, с. 22-23] и Куйбышевской [Мерперт, 1952, с. 39] областях, в зоне Волгоградской ГЭС [Синицын, 1952, с. 82 и сл.], в Мордовской республике [Степанов, 1955, с. 82, рис. 26, 1], на р. Оке [Панфиловская стоянка, Цветкова, 1957, с. 17], на р. Чусовой (стоянка у ст. Левшино), [Шмидт, 1940, с. 27] в Сибири [Киселев, 1951, с. 106] и т.д. Вещи кавказского происхождения найдены в могильниках среднеднепровской культуры первой половины II тысячелетия до н.э. в Белоруссии [Артеменко, 1964, с. 9; Крупнов, 1966, с. 38], в западных районах Украины [Сулимирский, 1962, с. 269-271] и т.д. В свою очередь, на Кавказ проникали некоторые элементы из соседних и более отдаленных областей. Так, случаи нахождения на Северном Кавказе бронзовых ножей карасукского типа позволяют предполагать древнейшие связи Кавказа с Сибирью [Членова, 1972, с. 132-133; 1967, с. 20].

Население, создавшее кобанско-тлийскую культуру, не только в конце II и начале I тысячелетия до н.э., но и раньше имело определенные контакты с культурами Передней Азии и Карпато-Дунайского бассейна. Имеется ряд сходных типов в инвентаре культуры доскифского периода и в материалах Карпато-Дунайского бассейна. Эти сходные типы свидетельствуют о том, что между племенами Центрального Кавказа и Дунайского бассейна существовала межплеменная торговля, в которой важную посредническую роль играли племена Западной Украины и Северного Причерноморья [Газдапустаи, 1962, с. 8].

В конце II и начале I тысячелетия до н.э. в Центральной Европе расцветала археологическая культура, известная как гальштаттская. Она получила свое название от города Гальштатт в Австрии и была распространена как на территории Австрии, так и Чехии, Югославии, Швейцарии, Франции, Испании, Германии, Северной Италии. В гальштаттской культуре много погребений трупосожжением (около 45% вскрытых могил). Они обычно содержат более богатый инвентарь и принадлежат по большей части мужчинам. В инвентаре трупосожжений нет оружия. Могилы нередко окружены кругом из камней и прикрыты камнями сверху [Монгайт, 1974, с. 174-176]. В мужских комплексах выявлено много бронзовых и железных вещей, в том числе оружие. Железные предметы повторяют форму бронзовых так же, как и железные изделия кобанских и тлийских захоронений.

Много в гальштаттских памятниках железных кинжалов. Орудия труда изготовлены как из бронзы, так и из железа. Их сравнительно немного.

Зато много в гальштатте бронзовой посуды, особенно ситул, но не в таком количестве, как в памятниках кобанской культуры. В тлийских комплексах, например, бронзовая посуда представлена сотнями и более. Некоторые гальштаттские бронзовые сосуды покрыты интересными изображениями, а тлийские бронзовые сосуды содержат геометрические узоры в сочетании свастических знаков (бронзовая ваза из погребения № 41), вертикальных каннелюр и елочный узор на зооморфных ручках. На двух бронзовых кружках выгравированы извивающиеся змеи, а на двух других – узор из косо вычеканенных ромбиков. У одной же кружки вместо зооморфной головки верхняя часть ручки содержит головки барана, смотрящие в противоположные стороны.

Орнаментальные формы гальштаттской культуры разнообразны: меандр, треугольник, ромбы, прямоугольники, круги, спирали и т.д. Все эти виды орнамента широко представлены и на предметах кобанско-тлийской культуры. Гальштаттская скульптура представлена главным образом мелкими статуэтками из глины или бронзы, изображающими всадников, пеших людей, коней, быков, птиц и т.д. Мелкообъемная пластика богато представлена в памятниках кобанско-тлийской культуры, особенно в Кобанском и Тлийском могильниках. В материалах этих двух памятников находим отлитые из бронзы великолепные статуэтки баранов, лошадей, собак, быков, козлов, коз и т.д. Имеются и изображения людей, птиц. Животный мир особенно богато представлен на гравированных поясах, содержащих в основном изображения диких и фантастических животных, и различные охотничьи и бытовые сцены.

В женских захоронениях гальштаттской культуры, так же как и в кобанско-тлийской, выявлено много наручных и ножных браслетов. Вообще в кобанско-тлийской и гальштаттской культурах оказалось много общих элементов, что явилось результатом происхождения из общего очага культуры (особенно металлургии меди и бронзы) – из Передней Азии, с которой культуры данных районов соприкасались независимо друг от друга [Газдапустаи, 1962, с. 8]. Вместе с тем Газдапустаи Д. считает, что кобанские бронзовые пластинчатые браслеты с граненой наружной поверхностью и со спиральными концами берут свое происхождение из районов Центральной Европы [Газдапустаи, 1962, с. 229]. Всеми кавказоведами давно признано, что именно этот тип браслета характерен для кобанско-тлийской культуры конца II – начала I тысячелетия до н.э. и с этой территории он мог распространиться как в соседние, так и в более отдаленные районы. Более того, эта форма браслета имеет на Кавказе свои прототипы с XIII в. до н.э.: ожорские, стырфазские и мсхлебские экземпляры [Техов, 1977, с. 191]. В кобанско-тлийской и гальштаттской культурах много об-

щих элементов, что позволило некоторым европейским археологам высказать свое отрицательное отношение к вопросу автохронности кобанско-тлийской культуры Кавказа. Такая неверная теория была подвергнута резкой критике еще в 1926 году. Сегодня мало кто сомневается в том, что кобанско-тлийская и гальштаттская культуры формировались самостоятельно на местных традициях и местной металлургической базе: гальштаттская – на основе бронзовой культуры, охватывавшей территорию бывшей Австро-Венгрии. «Венгерская медь и чешское олово объединились в этой части Дунайского бассейна и положили начало Дунайской культуре медного и бронзового века, известной археологам как дунайская культура III, IV и V» [Дикшит, 1960, с. 404].

Абсолютная хронология гальштаттской культуры, так же как и кобанско-тлийской, не разработана до конца. Пауль Райнеке разделил гальштаттскую эпоху на четыре периода (гальштатт А, В, С, Д) [РАЙНЕКЕ, 1911, табл. 43-44, 55, 69; МОНГАЙТ, 1974, с. 175], причем два первых относятся еще к позднему бронзовому веку, когда железо было очень ценным металлом и редко попадало к северу от Альп, и лишь два поздних периода (С, Д) принадлежат к собственно гальштатту, понимаемому как начало железного века, наступившее в Центральной Европе лишь в конце VIII в. до н.э., главным образом в VII в. до н.э. [МОНГАЙТ, 1974, с. 175]. Для областей к северу от средневропейской гальштаттской зоны по-прежнему остается в силе схема Монтелиуса, разделившего бронзовый век на шесть периодов, из которых периоды IV-VI соответствуют по времени гальштаттским периодам Райнеке [МОНГАЙТ, 1974, с. 177].

В последнее время сделаны попытки согласовать разработанную различными исследователями относительную хронологию с абсолютной. Так, Мюллер-Карпе относит период гальштатт А1 – к XIII в. до н.э., А2 – к XI в. до н.э., В1 – к X в. до н.э., В2 – к IX в. до н.э., В3 – к VIII в. до н.э. [МОНГАЙТ, 1974, с. 175; МЮЛЛЕР-КАРПЕ, 1959].

В VIII в. до н.э. начинается гальштатт С, который, согласно Г. Коссаку, продолжается до конца VII в. до н.э. Периоды С1 и С2 относятся к VI в. до н.э., а С3 одновременен уже латену А в Южной Баварии [МОНГАЙТ, 1974, с. 175; КОССАК, 1959]. Переход от бронзы к железу происходил постепенно, и для ранней гальштаттской эпохи характерно сосуществование бронзовых и железных орудий при возрастающем преобладании последних. В хозяйстве областей, переживших гальштаттскую эпоху, все большее значение приобретало земледелие, в технике которого в первой половине I тысячелетия до н.э. совершался переход от мотыги к сохе и плугу. Для общественных отношений характерны распад рода и переход к классовому обществу [МОНГАЙТ, 1974, с. 177].

Говоря об основных формах хозяйственной деятельности создателей гальштаттской культуры, одни исследователи полагают, что разведение лошадей и применение колесниц составляют две важные характерные черты Гальштатта, а это может служить непосредственным доказательством того, что культура раннего железного века Гальштатта была обязана своим происхождением индоевропейцам [Дикшит, 1960, с. 471-472].

Кобанско-тлийская культура Центрального Кавказа формировалась на основе местной докобанской бронзовой культуры и занимала обширную территорию по обоим склонам Главного Кавказского хребта, от г. Эльбрус до г. Казбек. Автономность этой культуры не вызывает никакого сомнения. «Культура Кобана, Кавказа и Юго-Восточных степей России была местным порождением, в том смысле, что она явилась свидетельницей перехода от бронзового к железному веку, совершившегося не под влиянием извне, а в результате достижения его самого надлежащей зрелости [Дикшит, 1960, с. 474]».

Имеющееся сходство между кобанско-тлийской и гальштаттской культурами объясняется тем, что индоевропейские племена, находясь в южнорусских степях, постепенно разделились на две ветви. Одна направилась в сторону Дунайского бассейна, вторая – на Кавказ. Здесь представители этой второй ветви, индо-иранцы, в первой половине II тысячелетия до н.э. развили свою культуру, принеся сюда навыки коневодства и применения колесного транспорта. Именно в их среде впервые в Старом Свете лошадь стала играть особую роль в хозяйстве, что привело к сложению культуры лошади и колесницы и нашло отражение в мифологии и космогонии [Кузмина, 1974, с. 82].

В памятниках кобанско-тлийской культуры много конских статуэток, графические изображения лошадей покрывают бронзовые топоры, булавы, пояса из листовой бронзы, а колесницы с впряженными в них двумя лошадьми мы видим на поясе тлийского погребения № 350 [Техов, 1993, с. 10, рис. 4]. Все это говорит о том, что создатели кобанско-тлийской культуры Центрального Кавказа в конце II – начале I тысячелетия до н.э. продолжали традиции своих предков – индоевропейцев и индо-иранцев (ариев), оставшихся и обосновавшихся на Кавказе после переселения основной их массы в Переднюю Азию. Таким образом, можно заключить, что разведение лошадей и пользование колесным транспортом были важными чертами в хозяйственной деятельности древних кобано-тлийцев, и их культура в раннем железном веке тоже была обязана своим происхождением индо-иранцам (индоевропейцам), продолжившим и развившим традиции своих предков, насытившим их новым мифотворческим содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. АРТЕМЕНКО, 1964 – АРТЕМЕНКО И. И. Верхнее Поднестровье в эпоху позднего неолита и бронзы. КСИА, вып. 101, М., 1964.
2. ГАЗДАПУСТАИ, 1962 – ГАЗДАПУСТАИ Д. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Автореф. диссерт. На соискание ученой степени канд.ист.наук. Л., 1962.
3. ГАЗДАПУСТАИ, 1962 – ГАЗДАПУСТАИ Д. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Кандидатская диссертация. Л., 1962.
4. ДИКШИТ, 1960 – ДИКШИТ С. К. Введение в археологию. М., 1960.
5. ИЕССЕН, 1935 – ИЕССЕН А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК. Вып. 120, 1935.
6. ИЕССЕН, 1935 – ИЕССЕН А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
7. КИСЕЛЕВ, 1951 – КИСЕЛЕВ С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
8. КОЗЕНКОВА, 1977 – КОЗЕНКОВА В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ. Вып. В2-5, М., 1977.
9. КОЗЕНКОВА, 1989 – КОЗЕНКОВА В. М. Кобанская культура. Западный вариант. САИ. Вып. В2-5, М. 1989.
10. КОЗЕНКОВА, 1989 – КОЗЕНКОВА В. М. Большой Кавказ в XIV-IV вв. до н.э. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1989.
11. КОЗЕНКОВА, 1989 – КОЗЕНКОВА В. М. Кобанская культура Кавказа. Степи евразийской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, М., 1989.
12. КРИВЦОВА-ГРАКОВА, 1955 – КРИВЦОВА-ГРАКОВА О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М-Л., 1955.
13. КРУПНОВ, 1960 – КРУПНОВ Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
14. КРУПНОВ, 1957 – КРУПНОВ Е. И. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА. 1957. №1.
15. КРУПНОВ, 1966 – КРУПНОВ Е. И. Кавказ в древней истории нашей страны. ВИ, 1966, №5.
16. КРУПНОВ, 1969 – КРУПНОВ Е. И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. СА, 1969, №1.
17. КУЗЬМИНА, 1977 – КУЗЬМИНА Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. ВДИ, 1974, №4
18. МЕРПЕРТ, 1952 – МЕРПЕРТ А. Л. Курганы эпохи бронзы у с. Ягодного. КСИИМК. Вып. XLIV, М., 1952.
19. МОНГАЙТ. 1974 – МОНГАЙТ А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
20. ПОПОВА, 1955 – ПОПОВА Т. Б. Племена катакомбной культуры. ТГИМ, вып. 24, М, 1955.

21. СИНИЦЫН, 1952 – СИНИЦЫН И. В. Археологические работы в зоне Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. I, М., 1952.
22. СТЕПАНОВ, 1955 – СТЕПАНОВ П. Д. Следы южной культуры в бассейне р. Мохши. КСИИМК, вып. 59, М., 1955.
23. ТЕХОВ, 1972 – ТЕХОВ Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977.
24. ТЕХОВ, 1993 – ТЕХОВ Б. В. Осетины – древний народ Кавказа. Цхинвал, 1993.
25. ЦВЕТКОВА, 1957 – ЦВЕТКОВА И. К. Волосовский клад. ТГИМ, вып. XXIII, М., 1957.
26. ЧЛЕНОВА, 1972 – ЧЛЕНОВА Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
27. ЧЛЕНОВА, 1967 – ЧЛЕНОВА Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
28. ШМИДТ, 1940 – ШМИДТ А. В. Стоянка у ст. Левшино. СА, вып. V, 1940.
29. KOSSACK, 1959 – KOSSACK G. Südbayern während der Hallstatzeit [West] Berlin, 1959.
30. MÜLLER-KARPE, 1959 – MÜLLER-KARPE H. Beiträge zur Chronologie der Umenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. [West] Berlin, 1959.
31. REINECKE, 1911 – REINECKE P. Altertümer unserer heizrischen Vorzeit. Bd. V, Mainz, 1911.
32. SULIMIRSKI, 1962 – SULIMIRSKI Tadeus. Eine Kobanen Prachtaxt von Winniza (Ukraine). «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien». Bd. XCIV. Wien, 1962.